

Но Прюдом и Демулен все-таки могли еще показываться; такому же народному революционеру, как Марат, приходилось скрываться по подвалам в течение нескольких месяцев, иногда не зная даже, где найти приют для ночлега. Верно было сказано о нем, что он защищал народное дело, держа голову на плахе. Дантон едва избежал ареста, уехав на время в Лондон.

Сама королева в переписке со своим другом Ферзенем, через которого она готовила иностранное нашествие и вступление немецких войск в столицу, сама королева отмечала «заметную перемену в Париже». Народ не читает больше газет. «Их занимает только дороговизна хлеба и декреты», - писала она своему другу 31 октября 1791 г.

Дороговизна хлеба - и декреты! Хлеб, необходимый для того, чтобы жить и продолжать революцию; его не хватало уже с октября! И декреты, направленные против священников и эмигрантов, которые король отказывался утверждать! Стало быть, дух революции еще был жив в народе.

Но измена была повсюду, и теперь уже известно, что в это самое время, т. е. в конце 1791 г., Дюмурье - жирондистский генерал, командовавший войсками на востоке Франции, уже был в заговоре с королем. Он послал ему тайную записку о средствах остановить революцию! Эта записка была найдена после взятия Тюильри в железном шкафу Людовика XVI.

XXX

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ. РЕАКЦИЯ 1791–1792 гг

Новое Национальное собрание, избранное одними «активными» гражданами и принявшее название Национального Законодательного собрания (Assemblée Nationale Legislative), открылось 1 октября 1791 г., и с самого же начала король, ободренный дружественными демонстрациями толпившихся вокруг него дворянства и буржуазии, принял по отношению к новому Собранию высокомерный тон. Так же, как и в первых заседаниях Генеральных штатов, начались со стороны двора мелкие уколы, встречавшие лишь слабое сопротивление со стороны народных представителей. И несмотря на это, когда король явился в Собрание, оно встретило его униженными знаками почтения и проявило самый восторженный энтузиазм. Людовик XVI говорил о постоянной гармонии и ненарушимом доверии между Законодательным собранием и королем. «Пусть любовь к отечеству объединит нас, а общая польза сделает неразлучными», - говорил король и в это же самое время готовил иностранное нашествие, долженствовавшее укротить конституционалистов и восстановить отдельное представительство трех сословий и все привилегии дворянства и духовенства.

Вообще начиная с октября 1791 г., в сущности даже с бегства короля и его ареста в Варенн 21 июня, страх иностранного нашествия охватил умы и стал главным предметом общих забот. В Законодательном собрании была правая сторона - фельяны, или конституционные монархисты, и левая - партия Жиронды, составлявшая промежуточное звено между полуконституционной и полуреспубликанской буржуазией¹. Но ни те, ни другие не занимались великими задачами, завещанными им Учредительным собранием. Ни установление республики, ни уничтожение феодальных прав не интересовало Законодательное собрание. Даже якобинцы, даже кордельеры точно сговорились не поднимать больше вопроса о республике. Страсти революционеров и контрреволюционеров разгорались и сталкивались только на самых второстепенных вопросах, вроде того, кому быть мэром Парижа.

Главную заботу теперь составляли вопрос о духовенстве и вопрос об эмигрантах. Они заслонили собой все остальные отчасти вследствие попыток контрреволюционных восстаний, организованных духовенством и эмигрантами, а также и потому, что эти вопросы были тесно связаны с войной, близость которой чувствовалась всеми.

Самый младший из братьев короля, граф д'Артуа, эмигрировал, как мы видели, еще 15 июля 1789 г. Другой брат его, граф Прованский, бежал одновременно с Людовиком XVI и добрался до Брюсселя. И тот и другой протестовали против принятия королем конституции. Он не может, говорили они, уступать прав старой монархии, а потому его акт недействителен. Их протест был широко распространен роялистскими агентами по всей Франции и произвел большое впечатление.

Дворяне массами покидали свои полки или замки и эмигрировали, а оставшимся дома роялистам эмигранты грозили «разжалованием в буржуа», когда вернутся победителями дворяне. Эми-

¹ Она так называлась по имени провинции Жиронды из которой происходили главные члены этой партии.